

УДК 321

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

*Н.В. Мамченко
Симферополь, Украина*

В отличие от деонтологических оснований права, находящихся в области рассудка и схватывающих рационально-операциональное истолкование права, аксиологические основания права есть сама атмосфера, «дух права», без которых правосознание невозможно в принципе. Внутренние правовые ценности составляют в совокупности субъективную основу правосознания, а внешние правовые ценности, закрепленные в юридических текстах, формируют объективированную основу правосознания. Осознание субъектом в самом себе ценности и достоинства является одной из глубочайших предпосылок не только идеи права, но и самого правопорядка, поскольку оно предопределяет проявления абсолютного и совершенного в эмпирическом мире.

Правосознание, по нашему мнению, является непосредственным источником правопорядка, правоприменения и всего того, что связано с жизнью права вообще. Соответственно, теория права в этом смысле является учением о правосознании.

Разумеется, теоретически неправильно думать, что правосознание соотносится только с позитивным правом, со знанием законов, норм и установлений; поскольку оно погружено в широкий мировоззренческий контекст, постольку в меньшей степени оно связано с принципами и интенциями естественного права. Правосознание в современном (правовом) обществе – это не только отражение в индивидуальном сознании действующих в обществе законов, но также оценка и коррекция их с позиций идеальной справедливости, ориентация на идеал правового государства. Наряду с исполнением своей познавательной, а также регулятивной функции, правосознание осуществляет и оценочную функцию, посредством которой формируются правовые ценности. С другой стороны, правосознание в своем развитии есть постепенное движение в направлении все более глубокого осознания и освоения правовых ценностей.

Поскольку ценность вообще определяется как жизненный смысл человека, постольку правовую ценность можно определить как правоосознаваемый жизненный смысл человека. Число правовых ценностей и «антиценностей», на наш взгляд, прямо соотносится с количеством моральных добродетелей и моральных пороков.

Исходной правовой ценностью, как и высшей добродетелью является обязанность уважать права других. «Высшей среди обязанностей, – отмечал И. Кант, – является глубокое уважение права других людей. Наш долг состоит в том, чтобы глубоко уважать право других и как святыню ценить его. Во всем мире нет ничего более святого, чем право других людей. Оно неприкосновенно и нерушимо» [1, с. 306]. В этом смысле уважение к правам другого человека как ценность понимается в абсолютном смысле как нулевое состояние эгоизма, как нечто «святое», в то время как другие правовые ценности могут обладать определенной степенью релятивности и эгоизма. Этот принцип должен проявляться, на наш взгляд, не в требовании блага, счастья для другого, а в признании его права быть достойным блага и счастья: И уж во всяком случае естественное право требует как минимум «не мешать» реализации субъективности другого человека [2].

Соблюдение принципа уважения к правам другого человека в истории европейских народов всегда культивировало и продолжает культивировать позитивные качества и добродетели – честность, добросовестность, точность в выполнении обязательств как правовых ценностей. Гражданская честность, неподкупность («долг ради долга») должна иметь приоритет по отношению к профессиональным, семейным или патриотическим добродетелям, но не наоборот. Быть честным во всем, никогда не лгать, не лжесвидетельствовать в суде, всегда «говорить только правду и ничего, кроме правды» – безусловно, позитивное морально-правовое требование. Однако выполнить его часто бывает не только трудно, но и небезопасно, несмотря даже на соблюдение принципа уважения к правам другого.

В 1799 году Кант публикует статью «О мнимом праве лгать из человеколюбия», в которой, полемизируя с Бенжаменом Констаном, настаивает на безусловном характере нравственного долга говорить правду вне зависимости от ситуации. Например, как считает Кант, солгать в ответе на вопрос злоумышленника, не скрывается ли в нашем доме преследуемый им наш друг, было бы преступлением [3, с. 256].

Понятно, что с либеральной точки зрения, да и с позиций здравого смысла, было бы несправедливо человека, обвиняемого в нетяжком преступлении, лишать права не говорить правду в ходе следствия и на суде – в условиях неправового государства, когда общеизвестно, что виновные в тяжких преступлениях политики или олигархи уходят от наказания, заседаая в парламентах.

Возможно ли, и, если возможно, то как разрешить противоречие между кантовским, ригористичным, максималистским, морально-правовым выбором и констановским – релятивистским, либеральным и по существу утилитарным? Какого из этих двух принципов придерживаться в законодательной и судебной практике? Исходя из нашей логики, теоретически такое разрешение возможно в том случае, если морально-правовой ригоризм и морально-правовой релятивизм будут соотнесены по принципу дополнительности, когда в теории учитывались бы мотивации как одного, так и другого подхода, имея при этом в виду сохранение приоритета ригористичного подхода. Такая теоретическая позиция позволит избежать, во-первых, как крайностей морально-правового ригоризма, так и морально-правового релятивизма. Такая позиция более чем актуальна в условиях развития украинской государственности и становления гражданского общества в Украине. В этом свете замечательно, просто завораживающе, звучат требования новой власти о честности как первом и необходимом качестве, прежде всего, государственного управленца, – начиная от президента и заканчивая рядовым представителем власти.

Несоблюдение принципа уважения к правам другого, то есть непризнание его права быть достойным блага и счастья, приведет к распространению и утверждению «антиправовых ценностей» – недобросовестности, нечестности, неблагодарности, зависти и злорадства. Эти и другие пороки утверждаются в тех обществах, граждане которых лишены равных возможностей в состязании за получение материальных и духовных благ. Не получившие равных возможностей сограждане, как правило, употребляют свою энергию не на позитив, а на дискредитацию чести и достоинства (в случае, если они есть!) своих соперников, что отдаляет ситуацию в целом не только от морали, но и от права.

С высшей правовой ценностью (уважение права других) по принципу дополнительности коррелирует другая правовая ценность, выраженная в идее правомочия, как сознания собственной суверенности, то есть сознания собственного права на достижение собственного счастья; или, как бы выразился

И. Бентам, – права на самостоятельное достижение собственной выгоды и благополучия. Именно это право делает человека крайне неудобным для использования и манипуляции. Идее правомочия как правовой ценности существенным образом противоречит, скажем, частная благотворительность, которая является лишь компенсацией за ранее допущенную несправедливость, например, в ходе аморальной или преступной приватизации общенародных богатств. Во-первых, она оскорбляет достоинство тех, кого опекают, во-вторых, она может привести к формированию инфантильного иждивенчества. Менее опасна в этом смысле законодательно определяемая социальная благотворительность исключительно для тех, кто оказался неспособным осуществить идею собственного правомочия – потерпел бедствие, состарился или заболел.

Идее правомочия как сознанию неотчуждаемой свободы, как высшего блага, «выгоды сверх выгоды» (И. Кант) противостоит сознание рабства, как «несчастья верха несчастий» (И. Кант), которое хуже самой смерти.

Антиподом двух вышеназванных правовых ценностей (имеющим прямое соотношение с моральным сознанием) – уважения прав другого и идеи правомочия – является юридический патернализм. Он основан на представлении о том, что государство лучше знает, в чем интересы граждан, чем сами граждане, и, как отец родной, заставляет их следовать этим интересам. Например, как гласил один из лозунгов первых лет Советской России: «Железной рукой приведем человечество к счастью».

Представленный таким образом, юридический патернализм кажется очень опасной доктриной и представляет собой «антиправовую» ценность. Если с взрослыми людьми обращаться как с детьми, они и будут вести себя как дети. И если их не избавить от излишней опеки и контроля, они никогда не станут разумными и ответственными людьми. Поэт И. Бродский в своей речи на вручении ему Нобелевской премии глубокомысленно заметил, что мы не должны создавать законы, которые нас защищали бы от нас самих.

В идеале – на смену патерналистской и матерналистской презумпции опеки государства над распущенным, инертным и невежественным народом должна прийти презумпция изначального доверия к народу как субъекту права. Это означает, во-первых, право народа на моральную автономию, то есть право судить о том, что есть добро, а что зло; во-вторых, это право на утилитарную автономию, то есть на предоставленную возможность каждому судить о том, что ему выгодно, что нет; наконец, в-третьих, это право на гражданскую автономию, то есть реальное право граждан принимать участие в выработке общих решений для их же собственного счастья и благосостояния.

Особой правовой ценностью, конституирующей и системообразующей, является справедливость. (Отметим, что в современном дискурсе справедливости объектами являются не только право, но также этика и политика. В данном случае мы акцентируем внимание на дискурсе справедливости по отношению к праву, а точнее, к правовым ценностям.)

Справедливость выражает сущность права и является его основой. Согласно теории справедливости Дж. Роулза, «справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли» [4, с. 19].

Вообще говоря, тесную связь права со справедливостью не отрицает никто из современных философов и теоретиков права, включая и теоретиков позитивного права. Правда, позитивисты признают лишь тот «минимум морали», который нельзя не признать. В этом контексте позитивизм можно определить как «минимальную теорию права», тогда как теорию естественного права –

«максимальной теорией права». В частности, такой «минимальный» характер имеет позитивистская концепция справедливости Г. Харта [5].

Зададимся вопросом о том, что придает ценностям их правовое содержание? Ответ: только акт одобрения людьми того, что некий порядок их существования является для них желанным (приемлемым), а значит, справедливым. Именно в момент одобрения (признания) и осуществляется то, что называют справедливостью. Справедливость необходимо рассматривать в трех аспектах: универсальном, институциональном и персональном. Универсальный (глобальный) аспект справедливости связан с признанием таких правовых ценностей, как жизнь, свобода, собственность и т.д., реализация которых есть признание прав человека вообще. Именно благодаря универсальному аспекту справедливости с признанием этих правовых ценностей стало возможным формирование и существование международного права.

Институциональный (объективный, внешний по отношению к личности) аспект справедливости касается социальных институтов и выражается, прежде всего, в политической справедливости. В данном случае справедливость как моральная категория и как юридическая ценность играет приоритетную роль – прежде всего, в критической оценке (следовательно, легитимации) правовых институтов и правовых систем, а также в оценке социального поведения. Именно поэтому мы говорим, что закон хорош потому, что справедлив, но не говорим, что он справедлив потому, что хорош. Эта же логика используется и при правовой оценке социального поведения другого – поступок хорош потому, что он справедлив, но не потому он справедлив, что хорош.

Персональный (субъективный, внутренний) аспект справедливости выделяет справедливость как характерную черту человеческой личности, как одну из важнейших ее добродетелей. В этом случае, естественно, возрастает субъективность в восприятии правовых и моральных ценностей и социального поведения. Деформации восприятия производны, во-первых, от выбора той или иной концепции справедливости, во-вторых, от завышенной самооценки субъекта по отношению к другим людям, а также от заниженной оценки институтов власти.

Следует осознать мысль о том, что соотношение институциональной и персональной справедливости является одной из важнейших проблем современной отечественной теории права. Для правосознания тех, кто ориентируется исключительно на позитивное право, эта проблема может показаться надуманной, поскольку, по их мнению, для установления правопорядка якобы вполне хватит принудительных санкций и внешнего (институционального) авторитета.

Однако необходимым условием существования цивилизованной правовой системы является принцип соответствия (взаимодополнительности) между внешним состоянием справедливости и внутренним состоянием справедливости. [Подобно тому, как необходимо соблюдать принцип взаимодополнительности между интенциями позитивного (формального) и естественного (реального) права.] Только в таком случае становится возможным переход от формальной справедливости («судить о каждом деле, исходя из одной и той же позиции») к справедливости реальной («судить о каждом деле на основе той или иной концепции справедливости»); например, при формальном требовании всегда соблюдать единый критерий справедливого распределения материальных благ – по труду, всегда возникает реальная необходимость распределения по потребности (скажем, через минимальные зарплаты или пенсии) или по заслугам – в соответствии с мотивациями той или иной концепции справедливости.

С другой стороны, концепция реальной справедливости, на которой базируются те или иные политико-правовые институты, а также правовые решения, не исключает, а предполагает рассмотрение правовой системы с точки зрения формальной справедливости.

Из этого следует, что как в теории, так и в практике, в том числе и юридической практике, возможен конфликт между институциональной справедливостью, с одной стороны, и персональной справедливостью – с другой. Согласно нашей концепции, в пределе этот конфликт сводится к противостоянию интенций позитивного права и естественного права. Возможность такого конфликта коренится в правосознании и имеет, по крайней мере, два источника: дефицит институциональной справедливости и дефицит персональной справедливости. Или, говоря в общем, причиной конфликта является дисбаланс между логическими (деонтологическими, по сути) и аксиологическими (морально-нравственными, по сути) основаниями (обоснованиями) правосознания и правоприменения.

Разрешение (преодоление) этого фундаментального конфликта – в данном случае конфликта между институциональной и персональной справедливостью – возможно только через апеллирование к универсальной справедливости, основанной на признании таких правовых ценностей, как жизнь, свобода, собственность, религия. Названные ценности производны от идеи прав человека, которые, в свою очередь, исторически и логически есть не что иное как квинт-эссенция естественного права. Таким образом, круг замкнулся: историческую и логическую связь этих понятий можно представить в такой последовательности – естественное право > права человека > универсальная справедливость > персональная справедливость > институциональная справедливость.

Все правовые ценности, включая вышеперечисленные, являются таковыми лишь в той мере, в какой они содержат акт одобрения, признания. Кроме того, справедливость не только служит основой для выстраивания правовых ценностей, но и выступает единственно надежным критерием разрешения конфликтов в тех случаях, когда возникает конфликтное столкновение правовых ценностей. Но именно в процессе утверждения собственной свободы и в признании свободы другого и выражается смысловое содержание справедливости как основной правовой ценности.

Список литературы

1. Кант И. Из «Лекций по этике» 1780–1782 гг. // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М.: 1988.
2. См. об этом: Luijpen W.A. Phenomenology of Natural Law. – Pittsburg: 1967. – P. 160–180.
3. Кант И. О мнимом праве гнуть из человеколюбия // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т.8.
4. Ролз Дж. Теории справедливости. – Новосибирск, 1995.
5. Х.Л.А.Харт. Концепция права. – К.: 1998. – С. 154–182.